

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б25

Серия «Свет в океане»

David M. Barnett

CALLING MAJOR TOM

First published by The Orion Publishing Group

Перевод с английского *Н. Огиенко*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Orion
при содействии литературного агентства Synopsis.

Барнетт, Дэвид М.

Б25 Земля вызывает майора Тома : [роман] / Дэвид М. Барнетт ; [пер. с англ. Н. Огиенко]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-107323-7

Томас Мейджор — ученый-астроном и разочаровавшийся в людях человек. Единственное его желание — навсегда остаться в обществе самого себя. Именно поэтому он решает воспользоваться случайно подвернувшейся ему возможностью совершить одиночный полет на Марс.

Теперь его дом — небольшая космическая капсула, поддерживающая контакт с Землей в основном посредством однообразных разговоров с командным пунктом. Но однажды, набрав по спутниковому телефону номер бывшей жены, Томас попадает к совершенно другому человеку...

Так в его жизни появляется Глэдис Ормерод и ее внуки Элли и Джеймс — семья, чья судьба отныне будет неразрывно связана с Томасом, семья, которая поможет ему вновь обрести веру в себя и в людей...

«Земля вызывает майора Тома» — трогательная и жизнеутверждающая история о дружбе, любви и прощении.

УДК 821.111-312.4
БК 84(4Вел)-44

© David M. Barnett, 2017
© Перевод. Н. Огиенко, 2018
ISBN 978-5-17-107323-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Клэр, Чарли и Элис

Когда моя голова в космосе —
мои ноги стоят на Земле, а сердце
наполнено благодаря вам.

*Памяти Малькольма Барнетта
(1945—2016)*

По мере того как мы начинаем понимать, что Земля, по сути, представляет собой своего рода пилотируемый корабль, несущийся сквозь бесконечность космоса, нам все больше будет казаться абсурдным, что мы не организовали лучше жизнь человечества.

*Хьюберт Х. Хамфри,
вице-президент США, 1966*

И всё опять прекрасно.

Джордж Формби

ЧАСТЬ I

11 февраля 1978 г.

Много лет назад в кинотеатре, далеко-далеко от того места, где он находился сейчас, мальчик и его отец входят в темноту. Мальчик прижимает к груди упаковку конфеток «Ревелз» и маленький стакан попкорна, а отец твердой рукой, лежащей у него на плече, направляет его по проходу с липнувшим к подошвам ковром. Фильм еще не начался, но лица сидящих уже обращены к рекламным анонсам, в отблесках бледного света. Завитки сигаретного дыма кружатся и переплетаются в черном пространстве между экраном и зрителями. От заполненных рядов доносится приглушенный гул перешептываний.

Томас Мейджор никогда еще не был так счастлив. Это его подарок на восьмой день рождения — поход в кинотеатр «Глендейл» на фильм, который он страстно желал посмотреть, как будто тот уже стал или даже всегда был частью его жизни, записанной в его ДНК. Дома, любовно размещенные на столе в его комнате, лежат подарки, полученные им на день рождения, что был месяц назад: игровой набор «Бар Звездных войн» с подвижными фигурками пришельцев, Снэгглтуса и Хаммерхеда, которых можно было закреплять на маленьких вращавшихся подставках и крутить в разные стороны, заставляя их как будто сражаться; и еще запись музыки из этого фильма в исполнении Лондонского филармонического оркестра, аккуратно пристроенная рядом со старым маминым проигрывателем «Дансетт» и стопкой полученных от нее же старых пластинок.

А сейчас Томас и его отец пришли смотреть фильм. Тот самый фильм, открывавший уик-энд. Они отстояли в оче-

реди, растянувшейся на квартал, чтобы попасть в этот старейший кинотеатр Кавершама и один из старейших в Рединге, и пока длилось ожидание, Томас спросил отца, хотел бы он полететь в космос.

— Готов поспорить, когда тебе будет столько лет, сколько мне сейчас, на Луне уже появятся города, — говорит отец. — Только это не для меня. Нет атмосферы. — Он громко хохочет и похлопывает Томаса по плечу. — А ты мог бы отправиться туда жить. Как в той песне: «Major Tom». Твоя мама была где-то на третьем месяце, когда вышла эта песня. Пожалуй, именно поэтому она решила назвать тебя Томасом. Сейчас она тоже примерно на этом же сроке. — Отец умолкает, потом смотрит на Томаса: — Черт побери! Этот «Фигаро» все еще держится на вершине хит-парада? Не хотелось бы мне выкрикивать это имя через калитку, чтобы позвать ребенка пить чай!

— «Space Oddity»*, — рассеянно говорит Томас. — Она называлась не «Major Tom», а «Space Oddity».

Пока они стоят в очереди, чтобы попасть внутрь, мимо кинотеатра неторопливо проезжает бежевый автомобиль.

— Ты только посмотри — «Фольксваген-Дерби»! Вышел в прошлом году. Я и сам подумываю о таком. — Он толкает локтем Томаса: — Мы бы смотрелись крутыми парнями, раскатывая на такой машине, а?

Томас пожимает плечами. Его не слишком интересуют автомобили. Отец продолжает:

— Может быть, мы купим машину в этом году. Но хотелось бы еще сделать этим летом оранжерею. Дома с ней ценятся намного больше, вот так-то. И еще мы, наверное, могли бы переделать чердак в мансарду. На соседней улице дом с оранжереей и сделанной мансардой ушел в прошлом году почти за двадцать три тысячи, представляешь?

* «Странный случай в космосе» (англ.) — песня Дэвида Боуи. (Примеч. ред.)

Еще день, но небо уже темно-синего цвета, и полная луна висит низко над горизонтом поверх черных крыш.

— Как монетка в десять пенсов, — говорит отец.

Томас закрывает один глаз и заключает диск луны между большим и указательным пальцем.

— Я поймал ее, папа! Я поймал луну!

— Положи ее себе в карман, сынок, — говорит отец. — Никогда не знаешь, когда это может тебе понадобиться. Пойдем, пойдем, наконец-то можно зайти внутрь.

Томас кладет невидимую, невесомую десятипенсовую луну в нагрудный карман своей коричневой рубашки с широким воротом. Его желудок приятно отягощен съеденной на ланч котлетой «уимпи»*, но в нем вполне еще найдется место для сладостей и лакомств. Отец, покачав головой и пробормотав «куда же в тебя столько влезает», расплачивается в киоске.

Теперь отец ведет его к единственному свободному креслу в конце ряда, где на соседних местах сидят мужчина и женщина с тремя маленькими девочками. Томас чувствует, что внутри у него стягивается какой-то узел, что-то такое, чего он не может выразить. Он озадаченно смотрит на отца:

— Но там только одно место.

— Подожди здесь, — говорит отец и отправляется переговорить с женщиной, продающей мороженое.

Прическа у нее выглядит так, словно высечена из гранита, и лицо тоже под стать; она оборачивается к Томасу, и ее колючие глазки буравят его сквозь полумрак.

Отец вручает ей купюру в один фунт, и женщина дает ему два шоколадных мороженых. Она снова смотрит на Томаса, потом переводит взгляд на отца, тот кривит лицо и дает ей еще один фунт. Затем он направляется обратно к Томасу, и женщина следует за ним. Томас сидит, держа стакан с попкорном на коленях, а упаковку «Ревелз» в кармане. Отец сует ему в руки мороженое.

* *Уимпи* — котлета в обжаренной булочке. Такие котлеты продаются в одноименных закусовых «Уимпи». (Примеч. ред.)

— Томас, сынок, — говорит он. — Твоему отцу нужно уйти по делу.

Томас смотрит на него и моргает.

— По какому делу? А как же фильм?

— Все в порядке. Это очень важно. Это... — отец смотрит на экран, словно ища там вдохновения. — Это сюрприз для мамы. — Он постукивает себя по одной стороне носа. — Наши мальчишеские тайны, договорились? Только между нами.

Томас тоже постукивает себя по носу, но без особой уверенности. Он чувствует, как в животе у него разверзается зияющая бездна. Отец говорит:

— А это Дейдрэ. Она приглядит за тобой, пока я не вернусь.

Женщина презрительно смотрит на Томаса, и ее рот вытянут в тонкую бескровную ниточку, словно скульптор даже не пытался придать ему человеческий вид.

— А ты надолго? — спрашивает Томас, вдруг ощущая на своей спине всю тяжесть темноты кинотеатра и чувствуя себя очень одиноким.

— Ты даже оглянуться не успеешь, как я вернусь, — говорит отец и подмигивает.

Начинает играть музыка, и Томас обращает взгляд на экран, где появляются звезды и бегущие строки.

Идет гражданская война. Космические корабли повстанцев, нанося удары со своей тайной базы, одержали первую победу над зловещей Галактической Империей.

Томас оборачивается, чтобы взглянуть на отца, но тот уже ушел.

2

Конура на высоте 22 000 миль

5 по горизонтали: Солнце на латыни, одно пережеванное, но печально исковерканное (8).

Томас Мейджор закрывает глаза в раздумье, и ему приходит в голову, что нет в мире ничего лучше тишины. Ни-

каких автомобильных гудков, кричащих голосов, газующих машин, звонящих телефонов, сигнализирующих мусоровозов, дающих задний ход.

Ничего.

Никакого дребезжания дверных звонков, никаких вибрирующих басов чужой отвратительной музыки, никаких хлопающих дверей и орущих телевизоров.

Только тишина.

Никакой пустой болтовни по радио, беспрестанного жужжания входящих сообщений, грохота сверления асфальта, уличных музыкантов, убивающих классические песни.

Ничего из того, что он мысленно классифицировал как «слуховые угрозы».

Томасу Мейджору всегда хотелось иметь свою конуру. И вот теперь, заключенный в свой кокон и изолированный от внешнего мира, так далеко от всех людей и их ненавистного шума, он постукивает кончиком карандаша по первой странице «Большого сборника действительно сложных криптических кроссвордов Гардиан» и снова принимается размышлять. Постукивание карандаша — приятный звук, хороший аккомпанемент чистому умственному усилию. И это его звук, его шум.

Так же как и громкое прихлебывание, которое он производит, отпивая чай — горячий и чересчур сладкий. Рядом с ним нет никого, кто мог бы попенять ему на плохие манеры. И он будет громко прихлебывать, если ему так хочется. Томас булькает чаем во рту, пока он не остынет, а потом громко полощет им горло.

«Вот так-то», — проглотив чай, говорит он, ни к кому не обращаясь.

Всю свою жизнь Томас мечтал иметь собственное укрытие. Он завидовал людям, которые могли исчезнуть в глубине своего сада и отгородиться от всех и вся. И вот теперь, на свой срок седьмой день рождения, он наконец был один, с полным правом шумно прихлебывать чай и проводить сколько угодно времени за разгадыванием кроссвордов. Он давно приберегал

этот сборник с дьявольски сложными загадками. Томас снова постукивает карандашом по странице. Пережеванное?* Но исковерканное? Печально исковерканное?

Поскольку Томас Мейджор может делать все, что ему заблагорассудится, ему приходит в голову, что было бы неплохо послушать музыку, чтобы лучше соображать. Хорошую музыку, разумеется, а не тот «тынц-тынц-тынц», доносящийся из дорогих машин с распираемыми от высокомерия молодыми людьми за рулем. Он с удовольствием взял бы с собой всю свою коллекцию виниловых пластинок, но это было физически невозможно. Поэтому ему пришлось все оцифровать — каждую альбомную композицию, каждую «А» и «Б» сторону, каждую редкость, каждую гибкую пластинку, прилагавшуюся к нотному сборнику или музыкальному журналу. Все до единой записи. Так как сегодня его день рождения, Томас решает послушать что-нибудь воодушевляющее и приятное — например, «The Cure». Он включает компьютерный терминал — морщась от издаваемого им натужного гудения и жужжания — и выбирает «Disintegration». Великолепное возвращение к мрачному стилю, 1989 год. Начинается перемешивание треков, что Томасу совершенно не нравится — альбом нужно слушать в таком порядке, как было задумано группой — но пока ему не удалось выяснить, как отключить эту функцию. Первой начинает звучать песня «Homesick».

Томас издает хрюкающий звук, шумно выдыхает воздух через нос и криво улыбается.

Почти. Но не совсем.

Солнце на латыни — это, должно быть, Sol, разумеется. Одно пережеванное — число? Томас задумчиво покусывает кончик карандаша, пока не начинает играть следующая песня. Возможно, выгладывание в иллюминатор даст какой-то толчок? Однако от этого лишь, как всегда, захватывает дух, и Томас думает о том, не надоест ли ему когда-нибудь этот вид, не станет ли он казаться ему обыденным и лишенным

* От англ. chew — жевать. (Примеч. ред.)

очарования. Томас всей душой надеется, что этого не произойдет. Потому что вот он здесь, совсем один со своим чаем, кроссвордом и музыкой, а где-то там, далеко снаружи, находятся все остальные.

Земля заполняет собой весь иллюминатор со стеклом толщиной в четыре дюйма: сине-зеленая, окутанная облаками и очень, очень красивая. Она такая большая, что, кажется, можно протянуть руку и коснуться ее. Томас находится на высокой околоземной орбите, на высоте 22 000 миль над поверхностью нашей планеты, и очень скоро ему предстоит полететь в пустоту, удаляясь от Земли со скоростью 26,5 километра в секунду. Тогда она уменьшится до ничтожных размеров, став лишь крапинкой на бархатном покрывале космоса. Томас закрывает глаза и слушает музыку, говоря себе, что, конечно же, он сделал правильный выбор, и это именно то, чего он хотел.

Мир Томаса представляет собой вытянутую шестиугольную камеру тридцать футов в длину, где на одном конце громоздится приборная панель, а на другом — большой люк, ведущий в переходной шлюз, за которым открывается огромная, бесконечная пустота.

Томас нечасто бывает на том конце капсулы.

Все пространство вдоль стен заполнено электроникой, хотя Томасу известно предназначение меньше половины всего этого; за рядом дверей скрываются отсеки для хранения, наполненные разнообразной провизией — главным образом сухой, — предназначенной для поддержания его жизнедеятельности в течение полета; и есть еще беговая дорожка, к которой он пристегивается для тренировок, чтобы его мышцы окончательно не атрофировались.

Это во всех отношениях его дом. Здесь тоже есть свои рутинные дела, как и дома, но вместо того чтобы отправляться на работу, а по возвращении сидеть перед телевизором или слушать музыку, пока готовится ужин, Томас начинает свой день в застегнутом спальном мешке. Он пытался спать без каких-либо приспособлений, паря в невесомости,